

— «История искусств»? С чего вдруг на нашем факультете ввели такой предмет? — недоуменно спросил Ли Жун.

Сун Хэ замер, явно не зная, что ответить. Он завел об этом речь лишь для того, чтобы отвлечь внимание от собственной персоны, и даже не задумывался о причинах внезапного изменения в расписании.

Хэ Чанфэн, которого лишняя нагрузка тоже не радовала, лишь раздраженно хмыкнул.

— А ты не знал, что Сяо Мужань — приглашенный профессор? Она читает лекции, когда ей вздумается, а университет сразу подстраивается под её график. В любом случае, это общие лекции для всего потока. Не хочешь — не ходи, никто прогулы считать не станет.

— На этот семестр у нас и так не слишком много часов, — бесцветным голосом добавил Сун Хэ.
— К тому же профессор очень известная. Может... сходим вместе?

От одного только предложения пойти на занятия всей комнатой юноша густо покраснел. Его сжатые в кулаки руки заметно подрагивали.

Ли Жуну хватило одного взгляда, чтобы понять: у соседа есть какой-то скрытый мотив. Сун Хэ слишком нервничал, и было очевидно, что он сам не в восторге от собственной затеи — настолько фальшиво и натянуто звучало его предложение.

Бросив на него многозначительный взгляд, Ли Жун, тем не менее, проигнорировал приглашение и снова обратился к Хэ Чанфэну.

— Даже если она читает лекции по желанию, логичнее было бы пойти к гуманитариям. Зачем ей мы, технари?

Вопрос был задан скорее для проформы, чтобы закрыть тему с Сун Хэ. Хэ Чанфэн пожал плечами, поставил ведро с крылышками на столик и вытер руки салфеткой.

— Да кто её знает. Всего четыре открытых урока, экзамена по ним не будет, и ладно.

Ли Жун нахмурился.

— Какая досада. Меня интересует только биохимия, до искусства мне дела нет.

Хэ Чанфэн посмотрел на него со сложным выражением лица.

— Хех, — выдавил он. — А меня даже биохимия не особо колыхет.

«Надо же, Ли Жун еще смеет заявлять об интересе к науке, — подумал он. — С его-то везением попасть в группу Чжан Чжаохэ — на этом интерес можно считать похороненным»

Ли Жун приподнял бровь.

— Вот как? В твоей провинции были ограничения по специальностям для льготников?

Хэ Чанфэн раздраженно взъерошил волосы и принялся нетерпеливо качать ногой.

— Нет. Просто отец настоял, чтобы я подал документы именно сюда.

Ли Жун слегка опустил взгляд, умело и ненавязчиво ведя разговор в нужное русло.

— С таким состоянием, как у твоей семьи, зачем выбирать столь сложную и изматывающую специальность?

Сун Хэ понял, что снова остался не у дел. Он приоткрыл рот, но в итоге так и не решился вклиниться в беседу. Впрочем, уходить он тоже не торопился, молча прислушиваясь к их словам.

— У нас ведь своя фармфабрика, — фыркнул Хэ Чанфэн. — Если я не выучусь на это, как мне потом наследовать отцовскую компанию?

В его голосе при упоминании семейного дела по-прежнему звучала гордость. Было очевидно, что уровень жизни, обеспеченный Хэ Даюном, его вполне устраивал.

Похоже, юноша еще не догадывался о тревогах отца. Он искренне верил, что изучает биохимию ради продолжения семейного дела, не подозревая, что Хэ Даюн на самом деле мечтает, чтобы сын проложил собственный путь, подальше от теней прошлого.

— Фармкомпания... — задумчиво протянул Ли Жун. — Кажется, я слышал только о «Сухэ».

Собеседник нахмурился.

— «Сухэ»? Мы с ними в близких отношениях. Мой отец часто ужинает с их гендиректором.

Он понимал, что его «Мэйцзян», возможно, не столь знаменита, но самолюбие не позволяло ему ударить в грязь лицом. Поэтому он поспешил козырнуть связями с гигантом индустрии.

Ли Жун сделал вид, что впечатлен, и в его улыбке промелькнула легкая зависть.

— Тогда тебе точно не придется ломать голову над стажировкой. В «Сухэ» ведь почти невозможно попасть.

Хэ Чанфэну пришлось по душе эта непринужденная лесть.

— Да не так уж и трудно, — вальяжно бросил он. — Я, когда заглядывал к ним, видел полно стажеров. Вот только в штат пробиться — это уже задачка.

На самом деле даже место стажера в «Сухэ» было пределом мечтаний для многих. Благодаря успеху «Цзякэтина» компания росла не по дням, а по часам, уверенно становясь лидером отечественного рынка. Ежегодно число соискателей росло в огромном количестве, и те, кто проходил отбор, были лучшими из лучших.

Сун Хэ о «Сухэ» никогда не слышал — на его социальном уровне такая информация просто не циркулировала. Первые восемнадцать лет жизни он провел, зарывшись в учебники, стараясь максимально соответствовать системе образования. Но, попав в университет, он с горечью осознал, насколько обширны знания других и как мало умеет он сам. Жизнь в одной комнате с Хэ Чанфэном лишь обостряла в нем это чувство классовой пропасти.

А что же Ли Жун?

Сун Хэ никак не мог его раскусить. С одной стороны, тот явно не был из простой семьи, но в нем не было и капли того пафоса, которым так и отличался Хэ Чанфэн. Староста по воле случая оказался в слабой группе, и его близкие даже не попытались его оттуда вытащить. С другой стороны, в разговоре с богачом Ли Жун держался абсолютно на равных, без тени той робости, что сковывала самого собеседника.

Ли Жун с вежливой улыбкой взял одну бутылочку йогурта из запасов соседа и помахал ею в воздухе.

— Одолжу одну. Пойду к себе.

— Бери, угощаю, — щедро махнул рукой Хэ Чанфэн.

Когда соседи начинают обмениваться мелочами, это верный признак того, что лед тронулся. Более того, у Хэ Чанфэна была подсознательная потребность в признании его статуса «золотой молодежи». Ли Жун подыграл ему в этом, и теперь бдительность соседа заметно притупилась.

Вернувшись в комнату, Староста Ли отставил йогурт в сторону и немедленно зашел в личный кабинет на сайте университета.

Предчувствие его не обмануло: в расписании действительно появилась «История искусств» профессора Сяо Мужань. Всего четыре лекции, по одной в неделю — и курс будет окончен.

Ли Жун проверил списки дальше и обнаружил, что в этом семестре профессор Сяо читает лекции всего на двух факультетах: литературном и биохимическом. Она даже не заглянула на факультет экономики и управления, где учился Цэнь Сяо.

Это не оставляло сомнений: внезапный порыв женщины напрямую связан с ним.

Ли Жун потерял переносицу, чувствуя, что беда не приходит одна. В прошлой жизни, когда они с Цэнь Сяо вели себя куда более вызывающе, Сяо Мужань до последнего не вмешивалась. Почему же в этот раз она объявилась так скоро?

Наверняка и Цэнь Цин, и Сяо Мужань уже знают, что Цэнь Сяо пошел в Девятый район только ради того, чтобы помочь ему пересмотреть дело отца. Ли Жун попытался взглянуть на ситуацию глазами матери Цэнь Сяо и пришел к выводу: она ни за что не захочет, чтобы единственный сын рисковал собой ради него, впуская в это дело обе влиятельные семьи.

В голове невольно всплыла сцена с дня рождения Сун Юаньюань.

«Если Сяо Мужань тоже решит швырнуть мне пачку денег, как я объясню ей, что у нас с Цэнь Сяо сейчас период самой пылкой влюбленности и я просто не в силах с ним расстаться?»

Пожалуй, лучше вообще ничего не объяснять, иначе она разозлится еще сильнее.

Ли Жун тихо вздохнул. Раньше, когда Цэнь Сяо был ему безразличен, он ни капли не боялся задеть его родителей. Напротив, чем сильнее они бесились, тем больше его это забавляло. Теперь же, когда чувства стали настоящими, он всерьез затревожился о том, как наладить контакт с будущими свекром и свекровью.

Не желая нести этот груз в одиночку, Ли Жун тут же набрал номер Цэнь Сяо. Тот ответил почти мгновенно. Не успел Староста и слова вымолвить, как услышал негромкий голос.

— Я как раз думал о тебе.

Постель внезапно показалась Цэнь Сяо невыносимо пустой. Он непроизвольно коснулся соседней подушки, на которой, казалось, еще сохранился едва уловимый аромат Ли Жуна. Он пообещал себе, что как только это дело закончится, он первым же делом затащит Ли Жуна обратно в свою постель.

Ли Жун негромко рассмеялся. Глядя на экран монитора, он подпер подбородок рукой и вкрадчиво произнес.

— Твоя мама решила прочитать курс лекций на нашем факультете. В эту среду. И что ты планируешь с этим делать?

— Моя мама? — переспросил Цэнь Сяо.

Ли Жун вздохнул.

— Придумай хоть одну причину, почему она пришла, если не ради меня.

На мгновение в трубке воцарилась тишина, прежде чем Цэнь Сяо безжалостно разрушил его призрачные надежды.

— Боюсь, она пришла именно за тобой.

Ли Жун почувствовал, как начинает болеть голова.

— Если твоя мама велит мне держаться от тебя подальше, будет ли прилично с моей стороны её обмануть?

Цэнь Сяо усмехнулся и поспешил его успокоить.

— Не волнуйся, она так не поступит.

— Хм, — Ли Жун скептически поджал губы. — Откуда такая уверенность?

— В среду мне нужно заскочить в Девятый район. Сдам документы и сразу приеду к тебе. Увидишь её — и сам всё поймешь.

Цэнь Сяо прекрасно понимал мотивы Сяо Мужань. Скорее всего, ей просто стало мало любоваться «котиком» издалека, и она решила потискать живую версию.

Если раньше она еще могла сдерживаться, не связываясь с Ли Цинли и держась в стороне от его семьи, то теперь, узнав, что сын уже влез в это по уши, она, видимо, решила махнуть на всё рукой. Ли Жун — единственный потомок Ли Цинли, и Сяо Мужань, перенося свою любовь на него, неизбежно захочет возместить ему ту вину и горечь утраты, что испытывала перед его отцом.

Для дела, которое они затеяли, любая поддержка была на вес золота. Сяо Мужань — единственная дочь в своем поколении, и если она окажется втянута в это, семье Сяо волей-неволей придется вступить в игру. А дедушка и бабушка Цэнь Сяо были столпами культурной элиты, чье слово имело колоссальный вес. В будущем это могло очень пригодиться.

Ли Жун слегка прищурился и предупреждающе произнес.

— Если твоя мама будет меня обижать, я запишу этот должок на твой счет.

Цэнь Сяо негромко рассмеялся.

— А когда ты не записывал долги на мой счет? Яблочко?

Ли Жун промолчал. Несмотря на то что между ними уже давно всё было ясно, стоило ли так открыто напоминать о делах прошлой жизни?

<http://bllate.org/book/15351/1441784>